

Музыка

Владимир
Владимирович
Набоков

Annotation

- [Набоков Владимир](#)
 -

Набоков Владимир

Музыка

Владимир Набоков

Музыка

Передняя была завалена зимними пальто обоего пола, а из гостиной доносились одинокие, скорые звуки рояля. Отражение Виктора Ивановича поправило узел галстука. Горничная, вытянувшись кверху, повесила его пальто: оно, сорвавшись, увлекло за собой две шубы, и пришлось начать сызнава.

Уже ступая на цыпочках, Виктор Иванович отворил дверь, музыка сразу стала громче, мужественнее. Играл Вольф, -- редкий гость в этом доме. Остальные -- человек тридцать -- по-разному слушали, кто подперев кулаком скулу, кто пуская в потолок дым папиросы, и неверный свет в комнате придавал их оцепенению смутную живописность. Хозяйка дома, выразительно улыбаясь, указала издали Виктору Ивановичу свободное место -кренделевидное креслице почти в самой тени рояля. Он ответил скромными жестами, смысл которых был: "ничего, ничего, могу и постоять",-- но потом впрочем двинулся по указанному направлению и осторожно сел, осторожно скрестил руки. Жена пианиста, полуоткрыв рот и часто мигая, готовилась перевернуть страницу -- и вот перевернула. Черный лес поднимающихся нот, скат, провал, отдельная группа летающих на трапециях. У Вольфа были длинные, светлые ресницы; уши сквозили нежнейшим пурпуром; он необычайно быстро и крепко ударял по клавишам, и в лаковой глубине откинутой крышки двойники его рук занимались призрачной, сложной и несколько даже шутовской мимикой. Для Виктора Ивановича всякая музыка, которой он не знал,-- а знал он дюжину распространенных мотивов,-- была как быстрый разговор на чужом языке; тщетно пытаешься распознать хотя бы границы слов,-- все скользит, все сливается, и непроторный слух начинает скучать. Виктор Иванович попробовал вслушаться,-- однако вскоре поймал себя на том, что следит за руками Вольфа, за их бескровными отблесками. Когда звуки переходили в настойчивый гром, шея у пианиста надувалась, он напрягал распыленные пальцы и легонько гакал, Его жена поспешила,-- он удержал страницу

мгновенным ударом ладони и затем, с непостижимой быстротой, перемахнул ее сам, и уже опять обе его руки яростно мяти податливую клавиатуру. Виктор Иванович изучил его досконально,-- заостренный нос, козырьки век, след фурункула на шее, волосы, как светлый пух, широкоплечий покррой черного пиджака,-- на минуту снова прислушался к музыке, но едва проникнув в нее, внимание его рассеялось, и он, медленно доставая портсигар, отвернулся и стал разглядывать остальных гостей. Он увидел, среди чужих, некоторые знакомые лица,-- вон Кочаровский -- такой милый, круглый,-- кивнуть ему... кивнул, но не попал: перелет,-- в ответ поклонился Шмаков, который, говорят, уезжает за границу,-- нужно будет его расспросить... На диване, между двух старух, полулежала, прикрыв глаза, дебелая, рыжая Анна Самойловна, а ее муж, врач по горловым, сидел, облокотившись на ручку кресла, и в пальцах свободной руки вертел что-то блестящее,-- пенсне на чеховской тесемке. Дальше, наполовину в тени, прижав к виску вытянутый палец, слушал, лакомый до музыки, чернобородый, горбатый человек, имя-отчество которого никак нельзя было запомнить,-- Борис? нет, не Борис... Борисович? тоже нет. Дальше,-- еще и еще лица,-- интересно, здесь ли Харузины, -- да, вон они.-- не смотрят... И в следующий миг, тотчас за ними, Виктор Иванович увидел свою бывшую жену.

Он сразу опустил глаза, машинально стряхивая с папиросы еще неуспевший нарасти пепел. Откуда-то снизу, как кулак, ударило сердце, втянулось и ударило опять,-- и затем пошло стучать быстро и беспорядочно, переча музыке и заглушая ее. Не зная, куда смотреть, он покосился на пианиста,-- но звуков не было, точно Вольф бил по немой клавиатуре,-- и тогда в груди так стеснилось, что Виктор Иванович разогнулся, поглубже вздохнул,-- и снова, спеша издалека, хватая воздух, набежала ожившая музыка, и сердце забилося немного ровнее.

Они разошлись два года тому назад, в другом городе (шум моря по ночам), где жили с тех пор, как повенчались. Все еще не поднимая глаз, он, от наплыва и шума прошлого, защищался вздорными мыслями,-- о том, например, что когда давеча шел, на цыпочках, большими, беззвучными шагами, ныряя корпусом через всю комнату к этому креслу, она конечно видела его прохождение,-- и это было так, будто его застали врасплох, нагишом, или за глупым пустым делом,-- и мысль о том, как он доверчиво плыл и нырял под ее взглядом-- каким? враждебным? насмешливым? любопытным?--

мысль эта перебивалась вопросами,-знает ли хозяйка, знает ли кто-нибудь в комнате,-- и через кого она сюда попала, и пришла ли одна, или с новым своим мужем,-- и как поступить,-- остаться так или посмотреть на нее? Все равно, посмотреть он сейчас не мог,-- надо было сначала освоиться с ее присутствием в этой большой, но тесной гостиной, ибо музыка окружила их оградой и как бы стала для них темницей, где были оба они обречены сидеть пленниками, пока пианист не перестанет созидать и поддерживать холодные звуковые своды.

Что он успел увидеть, когда только что заметил ее? Так мало,-- глаза, глядящие в сторону, бледную щеку, черный завиток -- и, как смутный вторичный признак, ожерелье или что-то вроде ожерелья,-- так мало,-- но этот небрежный, недорисованный образ уже был его женой, эта мгновенная смесь блестящего и темного была уже тем единственным, что звалось ее именем.

Как это было давно. Он влюбился в нее без памяти в душный обморочный вечер на веранде теннисного клуба,-- а через месяц, в ночь после свадьбы, шел сильный дождь, заглушавший шум моря. Как мы счастливы. Шелестящее, влажное слово "счастье", плещущее слово, такое живое, ручное, само улыбается, само плачет,-- и утром листья в саду блистали, и моря почти не было слышно,-томного, серебристо-молочного моря.

Следовало что-нибудь сделать с окурком,-- он повернул голову, и опять невпопад стукнуло сердце. Кто-то, переменив положение тела, почти всю ее заслонил, вынул белый, как смерть, платок, но сейчас отодвинется чужое плечо, она появится, она сейчас появится. Нет, невозможно смотреть. Пепельница на рояле.

Ограда звуков была все так же высока и непроницаема; все так же кривлялись потусторонние руки в лаковой глубине. Мы будем счастливы всегда,-- как это звучало, как переливалось... Она была вся бархатистая, ее хотелось сложить,-- как вот складываются ноги жеребенка,-- обнять и сложить,-- а что потом? Как овладеть ею полностью? Я люблю твою печень, твои почки, твои кровавые шарики. Она отвечала: "Не говори гадостей". Жили не то, что богато, но и не бедно, купались в море почти круглый год. На ветру дрожал студень медуз, выброшенных на гальку. Блестели мокрые скалы. Однажды видели, как рыбаки несли утопленника,-- из-под одеяла торчали удивленные босые ступни. По вечерам она варила какао.

Он опять посмотрел,-- и теперь она сидела потупясь, держа руку у бровей,-- да, она очень музыкальна,-- должно быть Вольф играет знаменитую, прекрасную вещь. "Я теперь не буду спать несколько ночей",-- думал Виктор Иванович, глядя на ее белую шею, на мягкий угол ее колена,-- она сидела положив ногу на ногу,-- и платье было черное, легкое, незнакомое, и поблескивало ожерелье. "Да, я теперь не буду спать, и придется перестать бывать здесь, и все пропало даром -- эти два года стараний, усилий, и наконец почти успокоился,-- а теперь начинай все сначала,-- забыть все, все, что было почти забыто, но плюс сегодняшний вечер". Ему вдруг показалось, что она, промеж пальцев, глядит на него, и он невольно отвернулся.

Вероятно музыка подходит к концу. Когда появляются эти бурные, задыхающиеся аккорды, это значит, что скоро конец. Вот тоже интересное слово: конец. Вроде коня и гонца в одном. Облако пыли, ужасная весть. Весною она странно помертвела; говорила, почти не разжимая рта. Он спрашивал: "Что с тобой?"-- "Ничего. Так". Иногда она смотрела на него, щурясь с неизъяснимым выражением. "Что с тобой?"-- "Ничего. Так". К ночи она умирала совсем,-- ничего нельзя было с ней поделать,--и, хотя это была маленькая, тонкая женщина, она казалась тогда тяжелой, неповоротливой, каменной. "Да скажи наконец, что с тобой". Так продолжалось больше месяца. Затем, однажды утром,--да, в день се рождения -- она сказала, совершенно просто, как будто речь шла о пустяках: "Разойдемся на время. Так дальше нельзя". Влетела маленькая дочка соседей,-- показать котенка, остальных утопили. Уходи, уходи, после. Девочка ушла, было долгое молчание. Уходи со своим котенком, не мешай нам молчать. Погодя он принялся медленно и молча ломать ей руки,-- хотелось сломать ее совсем, с треском всю ее вывихнуть. Она расплакалась. Он сел за стол и сделал вид, что читает газету. Она ушла в сад, но скоро вернулась. "Я не могу. Мне нужно тебе все рассказать". И как-то удивленно, как будто обсуждая другую, и удивляясь ей, и приглашая его разделить свое удивление, она рассказала, она все рассказала. Это был рослый, скромный, сдержанный мужчина, который приходил играть в винт и говорил об артезианских колодцах. Первый раз в парке, потом у него.

Все очень смутно. Ходил до вечера по берегу моря. Да, музыка как будто кончается. Когда я на набережной ударил его по лицу, он сказал: "Это вам обойдется дорого",-- поднял с земли фуражку и ушел. Я с ней не простился. Глупо было думать о том, чтоб убить ее.

Живи, живи. Живи, как сейчас живешь; как вот сейчас сидишь, сиди так вечно; ну, взгляни на меня, я тебя умоляю,-- взгляни же, взгляни,- - я тебе все прощу, ведь когда-нибудь мы умрем, и все будем знать, и все будет прощено,-- так зачем же откладывать,-- взгляни на меня, взгляни на меня,-- ну, поверни глаза, мои глаза, мои дорогие глаза. Нет. Кончено.

Последние звуки, многопалые, тяжкие,-- раз, еще раз,-- и еще на один раз хватит дыхания,-- и после этого, уже заключительного, уже как будто всю душу отдавшего аккорда, пианист нацелился и с кошачьей меткостью взял одну, совсем отдельную, маленькую, золотую ноту. Ограда музыки растаяла. Рукоплескания. Вольф сказал: "Я эту вещь не играл очень давно". Жена Вольфа сказала: "Мой муж, знаете, эту вещь давно не играл". Доктор по горловым обратился к Вольфу, наступая, тесня его, толкая животом: "Изумительно! Я всегда говорю, что это лучшее из всего, что он написал. Вы по-моему в конце капельку модернизируете звук,-- я не знаю, понятно ли я выражаюсь, но видите ли..."

Виктор Иванович смотрел по направлению двери. Там маленькая, черноволосая женщина, растерянно улыбаясь, прощалась с хозяйкой дома, которая удивленно вскрикивала: "Да что вы! Сейчас будем все чай пить, а потом еще будет пение". Но гостя растерянно улыбалась и двигалась к двери, и Виктор Иванович понял, что музыка, вначале казавшаяся тесной тюрьмой, в которой они оба, связанные звуками, должны были сидеть друг против друга на расстоянии трех-четырех саженей,-- была в действительности невероятным счастьем, волшебной стеклянной выпуклостью, обогнувшей и заключившей его и ее, давшей ему возможность дышать с нею одним воздухом,-- а теперь все разбилось, рассыпалось,-- она уже исчезает за дверью, Вольф уже закрыл рояль,- - и невозможно восстановить прекрасный плен.

Она ушла. Кажется, никто ничего не заметил, С ним поздоровался некто Бок, заговорил мягким голосом: "Я все время следил за вами. Как вы переживаете музыку! Знаете, у вас был такой скучающий вид, что мне было вас жалко. Неужели вы до такой степени к музыке равнодушны ? "

"Нет, почему же, я не скучал,-- неловко ответил Виктор Иванович.-- У меня просто слуха нет, плохо разбираюсь. Кстати, что это было?"

"Все, что угодно,-- произнес Бок пугливым шепотом профана,--
"Молитва Девы" или "Крейцера Соната",-- все, что угодно".